

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Сто раз сражаться и сто раз победить —
это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего —
победить чужую армию не сражаясь.
Сунь Цзы*

Холодная война возникла на «вечной» геополитической почве, комплексно удобренной и идеологически окрашенной событиями 1917 г., когда человеческое общество раскололось на два противоборствующих мира: капитализм и социализм. Ее история насчитывает почти полвека и включает ряд периодов и этапов, условные границы которых обозначены объективными обстоятельствами и факторами. Если процесс складывания предпосылок холодной войны был запущен Октябрьской революцией, то ее рождение состоялось в конце Второй мировой войны, когда союзнические отношения в рамках антигитлеровской коалиции исчерпали себя, а к старым противоречиям между СССР и Западом добавились новые, обусловленные послевоенными реалиями.

Победа, одержанная над фашизмом, сделала мир качественно другим — более справедливым и свободным, безопасным и динамичным. Кардинально изменилось соотношение сил на международной арене: США и СССР заявили о себе как сверхдержавы, предлагающие другим странам альтернативные варианты развития, а колониальная система вступила в полосу острого кризиса. Нацистская Германия и ее союзники были отвержены общими усилиями стран антигитлеровской коалиции при решающей роли Советского Союза. Это обстоятельство,

широко признанное в послевоенном мире, стало важной причиной значительного роста авторитета и геополитического веса СССР. Однако его новый статус категорически не устраивал Запад, который всегда видел в нашей стране мировоззренческого и геополитического конкурента, а также потенциального военного противника.

Военно-политический союз США, Великобритании и СССР в годы Второй мировой войны действительно стал парадоксальным явлением в том смысле, что наши партнеры по коалиции, с одной стороны, были остро заинтересованы в совместной борьбе с агрессорами, а с другой — оказались не готовы к равноправным отношениям и не могли преодолеть привычный и органичный для них негативный взгляд на социалистическое государство. Их внутренняя сущность восставала против самой идеи союза с СССР, который мог устроить их разве что в качестве слабого и несамостоятельного государства. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была для Запада, таким образом, одновременно и желанной (с точки зрения минимизации собственных потерь и получения сиюминутных политико-экономических выгод), и нежеланной (исходя из долговременных геополитических и идеологических интересов). С учетом всех этих обстоятельств послевоенная конфронтация с СССР являлась для США и их союзников закономерным выбором.

Что касается Советского Союза, то он стал участником холодной войны вынужденно, его действия носили преимущественно ответный характер и имели целью сохранение собственной независимости и суверенитета. Попытки руководства СССР посредством мер экономического, военно-политического и дипломатического характера эффективно противодействовать антисоветской политике США (Запада) не всегда были адекватны ситуации. Однако в своей значительной части ошибки были объективно неизбежны в условиях послевоенного шока, переживаемого нашей страной.

Глобальное неравенство между СССР и США при том, что Советский Союз стремился проводить самостоятельную внешнеполитическую линию, стимулировало начало холодной войны. Американские лидеры ясно осознали значительное

превосходство Соединенных Штатов над Советским Союзом, как, впрочем, и над любым другим государством. На этом обстоятельстве базировалась их идея руководства послевоенным миром и его непосредственной перестройки по американским лекалам.

СССР, значительно уступая США в экономическом и иных отношениях, и близко не имел тех возможностей для политического маневра, которыми обладали американцы. Линия его поведения на международной арене была, таким образом, более жестко обусловлена. Она, как и в довоенный период, предопределялась необходимостью выживания Советского Союза как государства и учитывала недавний трагический опыт. Вашингтон, прекрасно понимая эти обстоятельства, тем не менее в большинстве случаев саботировал советские предложения, сколь бы обоснованными они ни были (как, например, в случае с репарациями), что порождало ответную негативную реакцию.

Вокруг США быстро группировались страны, признающие их ведущую роль и рассчитывающие на американскую поддержку и покровительство. Началось складывание биполярной мировой модели. При этом реализация целей США, с учетом весьма широкого понимания американских национальных интересов, неизбежно сталкивалась с трудностями и проблемами самого различного характера, за частью которых действительно стоял Советский Союз. Произошедший после окончания войны общий сдвиг влево вызывал в Белом доме растущее беспокойство и раздражение, которые мешали американскому руководству осознать его действительные причины и скорректировать свою политику. В итоге государства, где в политической жизни видную роль играли левые движения, естественным образом увидели в Москве альтернативу, новый центр притяжения. Это относилось и к национально-освободительным силам во многих колониальных странах.

В этих условиях нарастание антисоветских, и без того традиционно сильных настроений в среде американской (западной) элиты было во многом предопределено. Руководство СССР, в свою очередь, обоснованно рассматривало США как источник непосредственной угрозы. В результате реализовался

далеко не самый лучший, но, безусловно, наиболее вероятный вариант развития событий — мир вступил в эпоху холодной войны. Основную ответственность за это несут Соединенные Штаты Америки.

Начавшись в 1945 г., холодная война завершилась разрушением Советского Союза в 1991 г.¹ Таким образом, по длительности она многократно превзошла Первую и Вторую мировые войны вместе взятые, продлившись, если даже не принимать во внимание ее предысторию, почти полвека². Хотя основными участниками холодной войны стали две сверхдержавы — США и СССР, она представляла собой коалиционное противоборство — мировое по масштабу, решительное по целям, чрезвычайно значимое по последствиям. В нее в той или иной степени были втянуты члены Североатлантического альянса, Организации Варшавского Договора, других военно-политических блоков, многие государства третьего мира. В этой войне сложно переплелись общественно-политические и геополитические составляющие военной борьбы, идеологическое соперничество и борьба за мировое лидерство между самыми мощными в военном, научно-техническом и экономическом отношении государствами второй половины XX в.

СССР никогда не собирался развязывать ракетно-ядерную или обычную войну как в Европе, так и тем более в мировом масштабе. Никаких документальных свидетельств такого намерения просто не существует. Для тех же, кто готов хотя бы на секунду допустить возможность наличия советских агрессивных планов, поставим простой вопрос: как могло руководство СССР в 40–50-е гг. планировать нападение на страны Запада, если не имело необходимых для победы сил и средств? В более поздний период, когда соответствующие возможности появились, ясное понимание фатального характера такой войны

---

¹ Президент Российской Федерации В.В. Путин справедливо назвал это событие одной из величайших геополитических катастроф в истории человечества.

² Кстати заметим, что во всех этих войнах одним из основных фигурантов, но не инициаторов, была наша страна. При этом и Первая мировая война, и холодная война завершились для России революционными потрясениями, коренным сломом сложившегося социально-экономического уклада жизни населения и взаимосвязанных с ним политических структур государства.

оказывало мощное сдерживающее воздействие не то что на Кремль, но и на Белый дом. Иное дело — подготовка Советского Союза к отражению возможной американской агрессии, которой в Москве справедливо опасались, поскольку располагали на сей счет надежными данными.

Неоспоримо, что военно-политическое руководство США, опираясь на свое подавляющее преимущество, долгое время осуществляло военное планирование исходя из намерения нанести удар первыми. Мы предполагаем, что лишь после Карибского кризиса американские лидеры кардинально изменили свою позицию. В Вашингтоне, как и в Москве, поняли, что в ракетно-ядерной войне победителей не будет. К ней, однако, продолжали готовиться, поскольку сам характер глобально-противоборства, а также инерция процесса, интересы различных групп влияния, возможные риски и другие факторы не позволяли остановиться. Но ключевой выбор был сделан: победа над СССР и его союзниками должна быть достигнута без прямого военного столкновения! Думается, что для США именно тогда холодная война окончательно становится войной в полном смысле слова.

В Кремле же так и не поняли, что западная политика в отношении СССР и социалистического блока необратимо изменила свое содержание. Там увлеклись «погоней за лидером» в вооружениях и утратили чувство меры. Конечно, достижение и поддержание ракетно-ядерного паритета было для Советского Союза оправданной целью. Однако акцент, сделанный на количественных показателях паритета, был ошибочным и привел к избыточным нагрузкам для советской экономики. Сегодня ясно, что Кремлю было необходимо и достаточно получить возможность нанесения ответного удара по США (странам НАТО) с гарантированным причинением им неприемлемого ущерба. Такой подход позволил бы высвободить значительные средства для решения проблем социально-экономического развития страны и снять накопившееся внутреннее напряжение. Но действовала логика поведения догоняющего. Сказывалась боязнь вновь оказаться далеко отставшим, вернуться к тем временам, когда безответная ядерная атака со стороны США была весьма вероятным сценарием. Кстати сказать, Вашингтон по-

*Странные лица. Кравчук, Шушкевич, Ельцин
после подписания Беловежских соглашений*

стоянно и умело шантажировал руководство Советского Союза возможностью воссоздания такой ситуации.

На завершающем этапе холодной войны принципиально важным стало то обстоятельство, что к середине 70-х гг. США и их союзники создали выраженное превосходство над СССР в информационных технологиях, в средствах и методах их применения в целях воздействия на общественное мнение и морально-психологическое состояние гражданского населения и личного состава вооруженных сил. К этому же времени советское общество отчасти утратило свою былую цельность, ослабили его духовно-нравственные скрепы. Если в 40-е гг. победа, одержанная в Великой Отечественной войне, укрепила СССР и сплотила его народы, то теперь ситуация изменилась. Стали сказываться последствия хрущевской кампании по ее девальвации, проведенной во второй половине 50-х — начале 60-х гг. под флагом тенденциозной критики эпохи Сталина, а по сути — всего советского периода отечественной истории. Постепенная утрата КПСС своей авангардной роли, постоянная

переоценка действий и качеств ее руководящих деятелей также расшатывали общество, порождали настроения скептицизма, сомнений в верности избранного пути развития. Афганская война, будучи неоднозначно воспринятой обществом, способствовала нарастанию кризисных явлений. К тому же она дала основания для острой критики политики СССР со стороны мирового общественного мнения, чем, естественно, не преминули воспользоваться западные стратеги холодной войны.

В итоге положение Советского Союза как объекта холодной войны к началу 80-х гг. заметно ухудшилось. Тем более что, в отличие от США, подлинным субъектом этой войны он так и не стал. Во многом это произошло потому, что военно-политическое руководство СССР считало ее скорее аллегорией, отражающей «противостояние двух различных социально-экономических систем» в рамках «политики мирного сосуществования», чем настоящей войной.

Еще раз подчеркнем: главной целью Запада являлась ликвидация СССР как государства, а не только как идеологического и политического соперника. К сожалению, в полном объеме этого не поняла не только власть, но и так называемая «демократическая оппозиция», быстро формирующаяся в Советском Союзе на завершающем этапе холодной войны. Возможный крах общественной системы не связывался ею с геополитическим поражением страны, не осознавалось, что победитель потребует от проигравших чудовищных жертв. Добавим к этому, что определенная часть политической и культурной элиты страны вполне осознанно играла на стороне противника.

В 80-е гг. в советском обществе еще более ослабели консолидирующие связи в социальном, идеологическом и морально-психологическом отношении. Одновременно росли ожидания реформ, большей открытости, гласности в деятельности органов государственного и общественного управления, повышения уровня жизни. Правящая партия внешне выглядела монолитно, но за кажущимся единством скрывались многочисленные проблемы. Немалая часть партийных чиновников была беспринципна, меркантильна и бесконечно далека от коммунистических убеждений, а система отбора, подготовки и ротации управленческих кадров страдала многочисленны-

ми недостатками. Даже на самом верху советской иерархии ситуация была далека от благополучной. Своевременного обновления высшего руководства не произошло, оно старело, а в 1982–1985 гг. из жизни ушли многие видные деятели Советского государства, которые были активными участниками Великой Отечественной войны, создания военно-промышленного комплекса, достижения ракетно-ядерного паритета. Все это создавало предпосылки для выдвижения на первые роли в государстве людей, не имевших достаточного опыта решения сложнейших внешне- и внутривластных проблем и лишенных качеств подлинных лидеров. К их числу относился М.С. Горбачев, возглавивший СССР в 1985 г.

Была объявлена перестройка с декларируемой целью улучшить социализм, придать ему «человеческое лицо», добиться «ускорения социально-экономического развития». Однако политика перестройки представляла собой не столько четко продуманный план действий, сколько набор благих пожеланий, а если верить поздним заявлениям М.С. Горбачева и особенно А.Н. Яковлева, изначально содержала в себе «мины замедленного действия». Как бы то ни было, она привела лишь к нарастанию проблем по всем азимутам. Общество стало быстро распадаться по социальному, национальному, конфессиональному и другим основаниям. Злоупотребление гласностью лишило многих людей мировоззренческих опор, открыло для внешнего негативного воздействия. Саморазоблачение, самобичевание, смакование недостатков прошлого стали главными темами средств массовой информации. Отрицательные стороны в прошлой и современной жизни советского общества абсолютизировались и выдвигались в центр общественного внимания.

Конечно, к началу 80-х гг. в СССР явно обнаружилось серьезные кризисные явления, которые наиболее остро ощущались в социально-экономической и духовной сферах. Требовались энергичные социально-экономические реформы, отказ от догматизма в идеологии и политике. Но государственно-партийное руководство страны оказалось не способным ни выработать соответствующую программу, ни проявить должную политическую волю. В управленческой среде именно после прихода к власти Горбачева быстро возникли и набрали силу по су-

ществу капитулянтские настроения по отношению к Западу, который смог использовать боязнь горбачевского руководства нового витка гонки вооружений и подтолкнуть его к односторонним уступкам. Новые советские лидеры пришли к ложному выводу, что для окончания холодной войны достаточно пойти на уступки в переговорах по сокращению ракетно-ядерных и обычных вооружений, что де приведет к установлению равноправных партнерских отношений с США и их союзниками и даст быстрые экономические выгоды.

Что касается руководства США и НАТО, то оно никаких «общечеловеческих» иллюзий не питало и соглашалось на взаимное (часто неравноправное) сокращение только тех видов вооружений, которыми Советский Союз мог, в случае войны, нанести им неприемлемый ущерб. Одновременно, под прикрытием переговорного процесса, Вашингтон активизировал ведение холодной войны по всем направлениям методами как открытых, так и тайных операций.

Одной из приоритетных задач Запада в это время становится сложная и многоплановая работа с советской управленческой элитой. В этом смысле показательно свидетельство бывшего диссидента, известного философа А.А. Зиновьева: «В 1979 году на одном из моих публичных выступлений, которое так и называлось «Как иголкой убить слона», — мне был задан вопрос, какое место в советской системе является, на мой взгляд, самым уязвимым, я ответил: то, которое считается самым надежным, а именно — аппарат КПСС, в нем — ЦК, в нем Политбюро, в последнем — Генеральный секретарь. Проведите своего человека на этот пост, — сказал я под гомерический хохот аудитории, — и он за несколько месяцев развалит партийный аппарат, и начнется цепная реакция распада всей системы власти и управления. И как следствие этого, начнется распад всего общества...». Далее шло своего рода извинение: «Пусть читатель не думает, будто я подсказал стратегам холодной войны такую идею. Они сами до этого додумались и без меня. Один из сотрудников «Интеллидженс сервис» говорил как-то мне, что они (то есть силы Запада) скоро посадят на «советский престол» своего человека» [1]. По его же свидетельству, «важная роль отводилась подкупу влиятельных лиц. К началу 80-х годов и на Западе тоже

поняли, что на диссидентское движение рассчитывать нечего, что народные массы в СССР сами не восстанут, как ты их ни пропагандируй. В то время мне довелось участвовать в разного рода закрытых совещаниях, собирались специалисты, занимавшиеся планированием холодной войны, и эти специалисты говорили: советскую «верхушку» надо купить» [2].

К разработке стратегии и тактики ведения холодной войны привлекались и выходцы из Советского Союза, преимущественно те из них, в ком западные спецслужбы видели убежденных антикоммунистов. Так было с тем же Зиновьевым, что сам он откровенно признавал: «На Западе я был принят именно в качестве антикоммуниста и антисоветчика (хотя не был ни тем, ни другим). Поэтому имел доступ ко всему, что там делалось в бесчисленных советологических центрах, секретных службах и т.д. И тогда я обнаружил, что в правящих кругах западного мира — и в политических, и в идеологических — выработана долговременная программа, в которую входило, во-первых, разрушение советского социалистического строя, ликвидация коммунизма. Но на этом не останавливались. Ставилась задача вообще довести Россию — уже вне зависимости, коммунистическая она или нет, — до такого состояния, чтобы она уже никогда не могла подняться на свой прежний уровень — уровень великой державы» [3].

К середине 80-х гг. Запад, преодолев ряд собственных кризисных явлений, еще более усилил системную атаку на Советский Союз. Американская сторона верно оценила сложившуюся ситуацию как благоприятную для достижения полной победы в холодной войне, сокрушения второй сверхдержавы и приобретения статуса единоличного лидера.

Президент Р. Рейган, позиционировав США как «цитадель демократии, оплот борьбы за права человека во всем мире», открыто заявил о необходимости уничтожения «империи зла» в лице Советского Союза. Запад начал мощное идеологическое наступление, умело используя имеющиеся слабости, реальные и выдуманные недостатки в социалистических странах, прежде всего в СССР.

Одной из важных целей являлась глобальная компрометация Советского Союза как государства и общества. На фор-

мирование его отрицательного образа средств не жалели. Для каждой аудитории особо подбирались аргументация и методы ее подачи. Соответствующим образом была препарирована вся история СССР, выявлены и целенаправленно выстроены негативные факты и подобрано их тенденциозное объяснение. Таким образом, геополитический соперник, которого США не могли уничтожить силой оружия, подвергся мощным информационным ударам, главной целью которых был подрыв его воли к сопротивлению.

Следует заметить, что идеологические атаки против Советского Союза как «империи зла» явно диссонировали с его великой исторической ролью в разгроме фашизма, которую еще помнили в мире. Значит, необходимо было дискредитировать вклад СССР в Победу, тем более что его простое замалчивание оказалось недостаточным средством. Поэтому была подготовлена и с широким размахом проведена комплексная операция с задачей поставить знак равенства между Советским Союзом и фашистской Германией, объявить СССР одним из главных виновников Второй мировой войны. Из такого подхода вытекал вывод, что борьба против Советского Союза любых сил и в любое время является справедливой и оправданной. Тем самым давался карт-бланш для реабилитации политических движений и отдельных лиц, сотрудничавших с фашистами. Все это делалось не только в интересах разрушения СССР на завершающем этапе холодной войны, но и для того, чтобы сделать это разрушение необратимым. Именно тогда было положено начало процессу амнистирования бандеровцев, «лесных братьев» и других преступников и предателей с последующим возведением их в ранг «героев освободительной борьбы».

В ответ советские идеологи и политики горбачевской формации лишь оправдывались и калялись в реальных и несуществующих грехах, заняв, по существу, позицию исторического отступления и капитуляции. Что касается здоровой части политической элиты, то она была дезорганизована и в значительной степени лишена управленческих рычагов.

Как уже отмечалось, информационно-идеологические операции были рассчитаны не просто на либерализацию взглядов

и настроений в Советском Союзе, отказ от коммунистической идеологии и практики, но и на формирование внутренней оппозиции, способной стать на путь антигосударственной деятельности под лозунгами демократизации страны. Решить эту задачу США удалось, что стимулировало их на проведение ряда тайных операций. Следует заметить, что и сегодня большинство из них остается тайной за семью печатями. О многих мы можем только догадываться или судить по косвенным свидетельствам. Однако если оценивать их результаты, можно сказать, что они с очевидностью не только эффективны, но и жестоки.

Горбачев и его окружение, не добившись позитивных изменений в социально-экономической сфере, пытались компенсировать внутрисполитические провалы успехами на международной арене. Миру была предложена концепция «нового политического мышления», сыгравшая определенную пропагандистскую роль, но оказавшаяся утопической и нереалистичной. На практике американцам фактически делалось предложение закончить холодную войну за счет крупных односторонних уступок со стороны Советского Союза. И эти уступки были сделаны. В числе прочего Горбачев отказался от любых попыток сохранить социалистический блок в Восточной Европе, пошел на ликвидацию Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, согласился на объединение ФРГ и ГДР без соответствующих гарантий для безопасности Советского Союза.

Однако внутрисполитическая ситуация в СССР развивалась так, что конкурирующая с Горбачевым властная группа Б.Н. Ельцина тоже стремилась получить поддержку Запада и демонстрировала свою готовность пойти на новые уступки Соединенным Штатам Америки, перед руководством которых возникла исключительно благоприятная возможность для завершения холодной войны даже не на условиях выгодного компромисса, а на основе безоговорочной капитуляции, разве только без ее международно-правового оформления. Белому дому осталось выбрать между группами Горбачева и Ельцина с позиции своих стратегических интересов, которые, как открыто проявилось вскоре, заключались в ликвидации Совет-

ского Союза, его расчленении на ряд государств. По существу, именно Беловежское соглашение 1991 г., закрепившее разрушение СССР, явилось актом завершения холодной войны.

Уже в 40-е гг. феномен холодной войны становится объектом пристального внимания и серьезного изучения. Постепенно как в научной среде, так и в обществе в целом о холодной войне складывается представление как об особом состоянии конфронтации между США и их союзниками, с одной стороны, и Советским Союзом, а также социалистическим блоком государств — с другой. Эта конфронтация охватывала политическую, экономическую, идеологическую, военную и иные сферы и имела в качестве своей основы антагонистические противоречия между названными странами, которые определялись разными геополитическими и национальными интересами, противоположными идеологическими и социальными ориентирами. Холодная война представляла собой бескомпромиссную борьбу на истощение, когда любой повод, любой неверный шаг противника использовался для его ослабления. Она велась в условиях гонки вооружений и постоянной готовности противников к непосредственному использованию военной силы. Ее эпоха — это время особого состояния мирового сообщества и постоянной угрозы возникновения третьей мировой войны, подготовку к которой стороны считали приоритетной задачей.

Таким образом, большинство исследователей — историков и политологов, военных профессионалов и специалистов по организации и ведению вооруженной борьбы квалифицируют холодную войну как особый вид конфронтационных, но мирных международных отношений.

Надо признать, что данная выше характеристика холодной войны достаточно объективна. Но вот насколько она полна, точна, а главное — универсальна по отношению к ее разным периодам? Представляется, что теперь, когда после гибели СССР прошло почти четверть века, появились объективные предпосылки для качественного уточнения понятия и сущности холодной войны. В этой связи неудивительно, что ряд авторитетных ученых высказывает сегодня точку зрения, что «холодная война с полным основанием может быть названа

третьей мировой войной», и приводит в подтверждение своей позиции веские доказательства¹.

По сути, споры ведутся вокруг утверждения, что холодная война не может считаться настоящей войной (пусть даже нетрадиционной), так как ее участники не вели между собой прямых военных действий. Критики такого подхода отвечают, что факт открытой вооруженной борьбы вообще не имеет решающего значения. Следовательно, проблема заключается в том, что именно находится в основе критериальной базы понятия «война».

Чем же война принципиально отличается от мира? Целями, которые ставятся сторонами, а также предпринимаемыми во имя их достижения действиями и достигнутыми результатами? Или же война лишь тогда война, когда борьба ведется с широким применением военной силы? И еще один принципиальный вопрос: меняется ли с течением времени содержание понятия «война» или оно неизменно?

Традиционно главным признаком войны считалось (и столетиями являлось по факту) вооруженное насилие, а все остальные средства и методы играли вспомогательную роль. Противника или полностью уничтожали, или принуждали к отказу от борьбы и признанию воли победителя именно с помощью вооруженного насилия.

Действительно: в холодной войне между ее основными участниками не было прямой вооруженной борьбы. Однако то, что войну нельзя отождествлять с вооруженной борьбой, военной мыслью отмечалось давно. Так, профессор Императорской военной академии России Н.В. Медем еще в 1836 г. в своем труде «Обозрение известнейших правил и систем стратегии», анализируя военную мысль своего времени, пришел к выводу, что наиболее глубокий анализ войны предложен К. Клаузевицем. В то же время он считал неверным его вывод о том, что стратегические цели войны достигаются только средствами вооруженной борьбы. Медем предложил аксиому, формула ко-

---

¹ Очень многое в этом смысле сделал известный военный философ и историк И.С. Даниленко, чья настойчивость в деле адекватной оценки сущности холодной войны позволила вывести дискуссию на новый качественный уровень. См. [4].

торой звучит так: «все соображения должны иметь своей целью ослаблять или истреблять, *какими бы то ни было способами*, силы противника и лишать его средств к защите» [5].

К сожалению, это утверждение не было воспринято как принципиально новое методологическое положение, видимо, из опасения слишком далеко оторваться от военной практики того времени и в силу естественного для науки консерватизма. Однако идею Медема не оценили и в начале XX в., когда война начала активно насыщаться нетрадиционными средствами и методами ведения борьбы. Только после Первой мировой войны положение несколько изменилось, но и тогда внимание военных теоретиков редко выходило за пределы организации вооруженной борьбы и системы ее обеспечения.

На преодоление этого жестко ограниченного подхода к войне ориентировал отечественную военную мысль выдающийся военный ученый А. А. Свечин, который в предисловии к своему известному труду «Стратегия» писал: «Мы рассматриваем современную войну со всеми ее возможностями и не стремимся сузить нашу теорию до наброска красной советской стратегической доктрины. Обстановку войны, в которую может оказаться втянутым СССР, предвидеть чрезвычайно трудно, и по всяким ограничениям общего уровня к войне надо подходить крайне осмотрительно... Чем шире охватит теория все содержание современной войны, тем скорее придет она на помощь данной обстановке. Узкая доктрина, может быть, будет более путать наше мышление, чем ориентировать его на работу» [6, с. 34].

Еще дальше пошел А. Е. Снесарев, который в своей рецензии на «Стратегию» А. А. Свечина весьма точно заметил, что для понимания непрерывности и единства стратегии в современной войне необходимо более широкое понимание ее операций, так как стратегия уже «работает не только мечом, а и другими средствами, хотя бы и чужими — агитацией, сокращением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т.п.» [7].

Но и эти важные положения, указывающие на принципиально новое направление в эволюции войны, не получили должной оценки. Суть проблемы затеняли традиционное, устаревшее

понимание ее сущности и концепция «революции в военном деле», которая преимущественно сводилась к быстрому росту боевой мощи оружия и дальности его действия. В результате в Советском Союзе окончательно утвердилась точка зрения, согласно которой сущность войны сводилась к вооруженной борьбе. Эта узкая доктрина войны, как в свое время с горечью отмечал Свечин, продолжала «путать наше мышление» не только до Второй мировой войны, но и после нее. В настоящее время такой односторонний подход становится просто опасным.

Во Вторую мировую войну арсенал нетрадиционных средств и методов ведения войны существенно расширился. На этот факт особо обратил внимание английский военный историк и теоретик Б. Лиддл Гарт в своей работе «Стратегия непрямых действий». Но значение таких действий по-прежнему отрицалось советскими военными теоретиками. Так, ведущий профессор стратегии академии Генерального штаба С.Н. Красильников в предисловии к названной книге писал: «Стратегия, пытающаяся добиться успехов только ценой гибели множества людей и массовыми разрушениями, не может быть признана подлинной стратегией. Но вместе с тем беспочвенно рассчитывать... на более широкую стратегию, вооруженную психологическим оружием... разгрома противника изнутри, завоевания противника, используя его самого, на которую автор возлагает большие надежды и считает подлинно искусной стратегией» [8].

Налицо очередная демонстрация устаревшего, одностороннего подхода к эволюции войны. Советская военная мысль и позже упорно ограничивалась анализом только традиционного направления. В выдержавшей в 60-е гг. несколько изданий книге «Стратегия» давалась следующая трактовка ее понимания: «Военная стратегия представляет собой систему научных знаний о закономерности войны как вооруженной борьбы во имя определенных классовых интересов. Военная стратегия в условиях современной войны становится стратегией глубоких ракетно-ядерных ударов в сочетании с действиями всех видов вооруженных сил с целью одновременного поражения и уничтожения экономического потенциала и вооруженных сил на всю глубину территории противника для достижения целей

войны в короткие сроки» [6, с. 20]. А в это время на практике развитие войны шло по двум направлениям: традиционному и нетрадиционному. Проблемы нетрадиционной войны, развития искусства ее ведения Западом были в названной книге даже не обозначены, хотя холодная война к этому моменту велась уже более двух десятилетий.

К сожалению, узкий ограниченный подход к пониманию и изучению войны, который доминировал в советский период нашей истории, пока не преодолен и в Российской Федерации. Между тем истекшее время и динамика событий последних десятилетий не только позволяют, но и обязывают разобраться с этой важной проблемой. Мешают, по-видимому, элементы догматизма в теории, косность, а также ведомственный статус военной науки. И конечно, чувствуется субъективный интерес влиятельных, но «безымянных» сил. Конечно, остановить развитие науки о войне нельзя, но вот серьезно замедлить — можно, а это больше, чем преступление, это серьезная историческая ошибка, исправить которую будет чрезвычайно трудно.

Можно сказать, что холодная война, явившись войной, традиционной по своим целям и нетрадиционной по средствам и методам ведения, стала таким образом войной нового исторического типа. Конечно, ее элементы имели место и в войнах предшествующих эпох, но в системном, относительно завершенном виде новая, нетрадиционная холодная война материализовалась только во второй половине XX в.

Интересно, что классическое определение войны Карла Клаузевица звучит отнюдь не категорично и опирается на «объемное» понимание: «Война — это продолжение политики иными, а именно насильственными средствами». Но ведь насилие предполагает использование целого спектра средств, не сводимых исключительно к вооруженной борьбе! Значит, мы имеем как минимум два формата определения: узкое и широкое. Узкое хорошо своей четкостью и строгостью; к тому же оно подходит для подавляющего большинства исторических прецедентов. Широкое определение войны, напротив, в силу своей внешней аморфности содержит в себе выраженный потенциал развития, с очевидностью намекая на то, что закон «Все течет, все меняется» касается всех без исключения аспек-

тов бытия. Почему же определение войны должно быть статичным? Нам говорят: раз нет вооруженной борьбы, значит, нет войны, а есть что-то другое и термин надо использовать другой. Аргумент понятный, но не вполне серьезный, поскольку его авторы исходят из сомнительного предположения, что проще и полезнее «изобрести» новый термин, чем наполнить обновленным содержанием старое понятие, опираясь на разумное предположение о естественном развитии стоящего за ним явления. Прав Уильям Оккам, призывая не усложнять сущность без необходимости. Хорошо известно, что целью войны является *принуждение* противной стороны к принятию условий победителя или даже ее полное уничтожение. Может быть, это куда как более универсальный критерий войны, чем вооруженная борьба?

Если так, то получается, что мы можем и должны поставить вопрос о том, что в современных условиях само определение войны нуждается в серьезной коррекции. Нетрадиционная форма холодной войны и отсутствие в ней открытого вооруженного противоборства не должны вводить нас в заблуждение. Что дает такой подход? Важен ли он в практическом отношении? Да, безусловно. Ведь он избавляет от иллюзий и заставляет взглянуть на то, что произошло с нашей великой страной, еще недавно называвшейся Союзом Советских Социалистических Республик, под иным углом зрения.

Видимо, холодная война еще долгое время не будет иметь сколько-нибудь полной документальной истории. Ситуации почти не меняет обилие публикаций по этой войне, ведь они зачастую воспроизводят ее на основе «устной истории», то есть на основе опросов участников, воспоминаний, мнений, оценок и т.д. Некоторые директивные документы вряд ли когда-либо вообще будут открыты. Не исключено, что многие из них уже уничтожены. А когда случайно «всплывают» отдельные документы или свидетельства, то включаются отработанные приемы официального отказа, объявления их фальшивками и т.д. В этих условиях при работе над историей холодной войны особое внимание требуется уделять методам ее реставрации по фактам и результатам, вскрывая технологию событий.

Для анализа холодной войны большое значение имеет исследование ее органической включенности в исторический общественный процесс. Многие историки и политологи в нашей стране и за рубежом уже давно утверждают, что возникновение холодной войны являлось следствием обыкновенного, как говорил З. Бжезинский, «фатального» сплетения различных факторов на заключительной фазе и после Второй мировой войны. Но если это и так, то лишь в малой степени. С «фатальным» сплетением обстоятельств соединились политические и идеологические устремления и интересы обоих противостоящих блоков и даже отдельных групп влияния. Далее холодная война развивалась уже по собственной логике [9].

Действительно, любая война эволюционирует по своим законам. Но цели ей всегда задает политика¹. Цели холодной войне определялись и уточнялись конкретными политиками США и Запада в целом и теми силами, чьи интересы они представляли. Методы их реализации неоднократно корректировались руководством США совместно с их союзниками. Что касается советского руководства, то оно, за исключением Сталина, с разной степенью легкомыслия относилось к холодной войне как стихийному явлению. Чем это закончилось, хорошо известно.

В чем-то удивительно, что победители не стесняются сегодня открыто заявлять о своей грандиозной победе в холодной войне, в то время как в стане проигравших много тех, кто не связывает свое бедственное и униженное положение с понесенным поражением, относя его практически полностью на счет недостатков социалистического общественного строя. Такой подход не просто ошибочен и примитивен, он вреден, поскольку не позволяет правильно увидеть и понять проблему. Тем более что поражение Советского Союза в холодной войне оценивается сегодня как очевидный факт учеными и политиками многих государств и прежде всего в странах Запада. Правда, на пространстве бывшего СССР выводы не выглядят столь однозначно.

---

¹ Именно в этом смысле следует понимать К. Клаузевица, который как-то заметил, что война не имеет собственной логики, а только собственную грамматику.

В целом существуют две крайности в толковании причин разрушения Советского Союза: одни считают его следствием преимущественно внутренней слабости, другие — едва ли не исключительно результатом истощения в холодной войне. Действительно, радикальные сторонники либеральной идеологии и прозападных реформ, как правило, делают акцент на «экономической несостоятельности СССР и утопичности социалистической идеологии». Радикалы левого толка, наоборот, подчеркивают, что СССР был разрушен в итоге хорошо спланированного и наступательного ведения холодной войны Западом, использования созданной и руководимой им «пятой колонны».

В реальности случившееся явилось следствием как недостатков советской общественно-политической системы, так и умелого, целенаправленного воздействия противника. Думается, что по отдельности ни внешний, ни внутренний факторы не привели бы Советский Союз к гибели; только их сочетание дало смертельный эффект. Как известно, идеальных государств не существует, и трудные времена случаются у всех, но далеко не каждый кризис заканчивается крахом общественно-политической системы и распадом страны. Вероятно, СССР смог бы преодолеть «болезнь роста» и выйти на более высокий качественный уровень развития, если бы не холодная война. Но этого, к сожалению, не произошло. На войне как на войне: побеждает тот, кто использует не только свою силу, но и слабость противника, выбирая для фатального удара наиболее подходящий момент.

С позиций теории и истории военного искусства холодная война после Карибского кризиса являет собой, с одной стороны, пример успешного наступательного ведения нетрадиционной мировой коалиционной войны методом сокрушения, а с другой стороны, пример ее пассивного оборонительного ведения, что в итоге и привело СССР к историческому поражению. Советская сторона вела войну безыскусно, хаотически реагируя на действия противника, его хорошо спланированные стратегические и оперативные акции.

Анализом холодной войны в России до сих пор недостаточно занимаются военные теоретики и военные историки, то есть

те, кто призван рассматривать войну в ее целостности, как общественное явление. Она остается скорее уделом политологов, которые по определению оценивают ее односторонне. Ситуацию надо срочно поправлять, тем более что война как явление далеко не исчерпала потенциал своего развития.

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось для России постепенным преодолением тяжелого наследия 90-х гг. Формирование нового суверенного политического курса, системное укрепление государственности, коррекция внутренней и внешней политики в русле эффективного обеспечения национальных интересов диктуются необходимостью динамичного и прогрессивного развития нашей страны. Это, однако, вызывает растущее противодействие со стороны США и некоторых других стран Запада, что заставляет опасаться второго издания холодной войны.

Мир сегодня меняется стремительно. Его очередное близкое «переформатирование», по-видимому, неизбежно. Какие при этом будут задействованы механизмы, однозначно предсказать нельзя. А значит, необходимо не только внимательно отслеживать развитие ситуации, но и оперативно находить адекватные ответы на вызовы времени. Недостаток реализма, «прекраснодушие», политическое слабование могут обойтись очень дорого. Судьба СССР дает тому зримое подтверждение. Прежде всего поэтому для патриотов любого идеологического окраса, для всех, кто хочет, чтобы Россия развивалась и укреплялась как суверенный субъект истории, постижение холодной войны — насущная потребность.